Цыганы

Автор:
Александр Пушкин

Цыганы

Александр Сергеевич Пушкин

«Цыганы шумною толпой

По Бессарабии кочуют.

Они сегодня над рекой

В шатрах изодранных ночуют.

Как вольность, весел их ночлег

И мирный сон под небесами.

Между колесами телег,

Полузавешанных коврами,

Горит огонь: семья кругом

Готовит ужин; в чистом поле

Пасутся кони; за шатром

Ручной медведь лежит на воле…»

Александр Сергеевич Пушкин

Цыганы

Цыганы шумною толпой

По Бессарабии кочуют.

Они сегодня над рекой

В шатрах изодранных ночуют.

Как вольность, весел их ночлег

И мирный сон под небесами.

Между колесами телег,

Полузавешанных коврами,

Горит огонь: семья кругом

Готовит ужин; в чистом поле

Пасутся кони; за шатром

Ручной медведь лежит на воле.

Все живо посреди степей:

Заботы мирные семей,

Готовых с утром в путь недальний,

И песни жен, и крик детей,

И звон походной наковальни.

Но вот на табор кочевой

Нисходит сонное молчанье,

И слышно в тишине степной

Лишь лай собак да коней ржанье.

Огни везде погашены,

Спокойно все, луна сияет

Одна с небесной вышины

И тихий табор озаряет.

В шатре одном старик не спит;

Он перед углями сидит,

Согретый их последним жаром,

И в поле дальнее глядит,

Ночным подернутое паром.

Его молоденькая дочь

Пошла гулять в пустынном поле.

Она привыкла к резвой воле,

Она придет: но вот уж ночь,

И скоро месяц уж покинет

Небес далеких облака;

Земфиры нет как нет, и стынет

Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом

По степи юноша спешит;

Цыгану вовсе он неведом.

«Отец мой, – дева говорит, —

Веду я гостя: за курганом

Его в пустыне я нашла

И в табор на ночь зазвала.

Он хочет быть, как мы, цыганом;

Его преследует закон,

Но я ему подругой буду.

Его зовут Алеко; он

Готов идти за мною всюду».

СТАРИ К

Я рад. Останься до утра

Под сенью нашего шатра

Или пробудь у нас и доле,

Как ты захочешь. Я готов

С тобой делить и хлеб и кров.

Будь наш, привыкни к нашей доле,

Бродящей бедности и воле;

А завтра с утренней зарей

В одной телеге мы поедем;

Примись за промысел любой:

Железо куй иль песни пой

И села обходи с медведем.

АЛЕКО

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА

Он будет мой:

Кто ж от меня его отгонит?

Но поздно… месяц молодой

Зашел; поля покрыты мглой,

И сон меня невольно клонит…

Светло. Старик тихонько бродит

Вокруг безмолвного шатра.

«Вставай, Земфира: солнце всходит,

Проснись, мой гость, пора, пора!

Оставьте, дети, ложе неги».

И с шумом высыпал народ,

Шатры разобраны, телеги

Готовы двинуться в поход;

Все вместе тронулось: и вот

Толпа валит в пустых равнинах.

Ослы в перекидных корзинах

Детей играющих несут;

Мужья и братья, жены, девы,

И стар и млад вослед идут;

Крик, шум, цыганские припевы,

Медведя рев, его цепей

Нетерпеливое бряцанье,

Лохмотьев ярких пестрота,

Детей и старцев нагота,

Собак и лай, и завыванье,

Волынки говор, скрып телег —

Все скудно, дико, все нестройно;

Но все так живо-непокойно,

Так чуждо мертвых наших нег,

Так чуждо этой жизни праздной,

Как песнь рабов однообразной.

Уныло юноша глядел

На опустелую равнину

И грусти тайную причину

Истолковать себе не смел.

С ним черноокая Земфира,

Теперь он вольный житель мира,

И солнце весело над ним

Полуденной красою блещет;

Что ж сердце юноши трепещет?

Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает

Ни заботы, ни труда,

Хлопотливо не свивает

Долговечного гнезда,

В долгу ночь на ветке дремлет;

Солнце красное взойдет,

Птичка гласу бога внемлет,

Встрепенется и поет.

За весной, красой природы,

Лето знойное пройдет —

И туман и непогоды

Осень поздняя несет:

Людям скучно, людям горе;

Птичка в дальные страны,

В теплый край, за сине море

Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной

И он, изгнанник перелетный,

Гнезда надежного не знал

И ни к чему не привыкал.

Ему везде была дорога,

Везде была ночлега сень;

Проснувшись поутру, свой день

Он отдавал на волю бога,

И в жизни не могла тревога

Смутить его сердечну лень.

Его порой волшебной славы

Манила дальная звезда,

Нежданно роскошь и забавы

К нему являлись иногда;

Над одинокой головою

И гром нередко грохотал;

Но он беспечно под грозою

И в вёдро ясное дремал.

И жил, не признавая власти

Судьбы коварной и слепой;

Но боже, как играли страсти

Его послушною душой!

С каким волнением кипели

В его измученной груди!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-pushkin/cygany-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити